

## ОГЛАВЛЕНИЕ

### Часть I. ПОСЛЕ ЛИХОЛЕТЬЯ

|                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Глава 1.</i> Тревожная зима .....                                   | 5   |
| <i>Глава 2.</i> Дальний дозор .....                                    | 17  |
| <i>Глава 3.</i> За князьим столом.....                                 | 33  |
| <i>Глава 4.</i> Прогресс .....                                         | 43  |
| <i>Глава 5.</i> Вильно.....                                            | 54  |
| <i>Глава 6.</i> Поместные хлопоты .....                                | 73  |
| <i>Глава 7.</i> Удобное для засады место.....                          | 86  |
| <i>Глава 8.</i> Караван идет в Булгар.....                             | 107 |
| <i>Глава 9.</i> У нас есть селитра, значит,<br>будет и свой порох..... | 128 |
| <i>Глава 10.</i> Айгуль.....                                           | 140 |

### Часть II. НА ЗАПАД!

|                                                        |     |
|--------------------------------------------------------|-----|
| <i>Глава 1.</i> Лесная рать.....                       | 170 |
| <i>Глава 2.</i> Пушки, дальнеметы и книжное дело ..... | 183 |
| <i>Глава 3.</i> Война в Уганди .....                   | 198 |
| <i>Глава 4.</i> Речной путь к Полоцку .....            | 218 |
| <i>Глава 5.</i> Просто так уйти нельзя! .....          | 244 |
| <i>Глава 6.</i> Союзнический долг .....                | 254 |
| <i>Глава 7.</i> На Псков! .....                        | 280 |
| <i>Глава 8.</i> Бескровная победа.....                 | 295 |
| <i>Глава 9.</i> Замок Нейгаузен .....                  | 302 |
| <i>Глава 10.</i> Битва на Омовже .....                 | 312 |
| <i>Глава 11.</i> Юрьеву быть западным щитом Руси!....  | 331 |
| <i>Заключение</i> .....                                | 344 |

## Часть I

# ПОСЛЕ ЛИХОЛЕТЬЯ

### Глава 1

## ТРЕВОЖНАЯ ЗИМА

Порывистый ветер кидал в лицо снежинки. Третий день завывала затяжная пурга над стенами Нарвы, и вот она наконец-то пошла на убыль. Здесь, на самом верху, на крепостном парапете она все еще слепила глаза снегом, морозила щеки и поддувала в запа́х овчинного тулупа. Но все равно это было уже совсем не то, что недавно, когда от ее порывов чуть ли не вжимало в стену.

— Ничего, совсем скоро распогодится, — пробормотал Митяй и, развернувшись возле угловой башни, пошел в обратную сторону. Теперь ему дуло уже в спину, а вот Маратка, который шел навстречу, приподнял воротник тулупа, пряча лицо от ветра.

— Эй, берендей, вона, погляди, как нос обморозил, потри его маненько, а то ведь ежели отпадет, так и Акулинка не признает!

— Ты, лесовин, за своим лучше смотри, у тебя вон уже одного уха нет. Где ты его потерял-то?! —

отшутился друг и шагнул в нишу стены. Здесь было потише, и караульные, притоптав наметенный сюда снег валенками, стали плечом к плечу.

— Не-е, Митяй, вчера хуже было. — Марат закинул самострел за спину и сбил с воротника налипшие снежинки. — Сегодня-то что, это так, игрушки. А вот вчерашний караул — он мне надолго теперь запомнится. Как там наш ближний дозор эту пургу пережил, я вот даже и не знаю.

— Да уж, чай, дядька Архип из опытных лесовиков сам, не оплошает поди? — ответил Митяй. — Небось, просто не успела его пятерка, так же как и все дальние дозоры, возвратиться. Те-то вон на санях все катались. Им что, по речному руслу пробежались быстро — и они уже в крепости, а вот этим да, из буреломного леса ох как непросто на лыжах выбираться.

— Ну да, похоже, что все так, — согласился с другом берендей. — Так-то еще пару часов повьюжит и совсем уже успокоится, а там, глядишь, и они к Нарве подойдут. Как сам думаешь, нас Малюта и правда отпустит дозорить? А то ведь давеча вон как гоношился, дескать, мне тут крепостная стража в сотне нужна, а не эти вон бродяги-пластуны!

— Да не-ет, отпустит, куда же он денется? — отмахнулся Митяй. — А то ты его и сам будто не знаешь. Ну, покричит он маненько, как обычно, да потом все одно отойдет. Комендант же вон сам сказал, чтобы молодые готовились поочередно к дозорным выходам. Дескать, нечего им безвылазно тут на стенах сидеть, пусть и они местность вокруг крепости изучают, да и вообще двигаются больше.

— Ну, ежели это Захар Игнатьевич самолично сказал, тогда конечно, — вздохнул Марат. — Сотнику нашему, видать, и самому завидно прогуляться, а ведь никак ему свою стену не бросить. Ну, ладно, постояли маненько, пойдем, что ли, дальше?

— Да, пошли, — кивнул ему в ответ друг, и две фигуры, достав самострелы из-за спины, вышли из ниши и зашагали в разные стороны по верхнему ходу стены.

С каждым часом снега становилось все меньше, а завывавший до этого ветер постепенно стих. С высоты даже начали проступать очертания дальнего леса, и уже ближе к концу караульной смены Митяй заметил там какое-то шевеление.

— Движение на опушке у дальнего ручья! — выкрикнул он. — Ближе к обгоревшему дубу с обломанной вершиной!

Раздался топот, и из хода башни выскочил десятник Стриж.

— Чего ты там углядел, Митяй?!

Командир запрыгнул на приступок, поднялся повыше и, приставив ладонь ко лбу, взгляделся в белую даль. К нему присоединилось еще пять человек из отдыхающей смены, и все они застыли в напряжении у парапета.

— Точно, вижу, вижу! — выкрикнул Агафон. — Да вон же, во-он, прямо под обгоревшим дубом, кажись, человек стоит!

— А вот и второй, и третий с ним рядом! — подтвердил худой и высокий Гордей. — Да это никак наш ближний дозор, тот самый, что до пурги в крепость не успел явиться. Вона, вона, гляди, как они руками нам машут!

Вскоре четыре фигурки вынырнули из леса на открытое место и направились в сторону крепости. Двое за собой что-то тащили. Зазвенели цепи опускаемого через ров моста, скрипнули ворота, и в проем проскользнуло четверо пластунов. Пятый же въехал внутрь на самодельных санях, сделанных из широких охотничьих лыж.

— Парамон в лесной буерак сверзился. На склон его наступил, а там намет был большой, вон он вниз-то и обвалился, — объяснял командир пешего дозора. — Ногу сильно зашиб, сначала уж думали, что сломал, но не-ет, слава богу, пронесло. Однако раздуло ее сильно в голяхе, и никак дальше идти не можно было. Мы вроде бы как стянули ее, обездвигили и до дома подались, а тут небо хмуриться начало, ну, видно же, что быть скоро пурге. Вот мы ему самодельные сани-то соорудили и давай быстрее тянуть. Но не успели, такой ветер начался, аж деревья валило! — Архип передернул плечами. — Пришлось быстро лежку делать, благо место нам хорошее вовремя попало, да и припас у нас с собой был. Ну вот, мы три дня там и просидели, как медведи в берлоге. А как уж стихать начало, так опять дальше пошли. Оказалось, что до Нарвы совсем уже недалеко оставалось, можа, если бы поспешили, так и успели бы дойти. Хотя кто ж его знает, ни зги ведь не видно было.

— Все правильно вы сделали, Архип, — прогудел сотник Малюта. — У батюшки в селище сосед с промысла возвращался, так в трехстах шагах ведь от него он замерз. Тоже вот так же по пурге шел. Видать, закружило его, глаза отвела Метелица и сморила. А ведь какой опытный лесовин

был, и вот надо же! Ничего, отогреетесь, в баньке косточки отпарите — как новые будете. Ну а Парамоху вы в лекарню тащите сразу. Чего там, в лесу-то спокойно ли все? Никаких следов в округе не углядели?

— Да нет, человеческих там точно не было, — отмахнулся звеньевой. — Мы же полный круг успели перед пургой дать. Зверь — да, тот ходит. Вон за дальним оврагом у Черной речки на следы волчьей стаи наткнулись. Они там лося загнали, ну и натоптали, искровенили все. Сохатый, видать, шибко сильный был. Все кустья и малые деревца вокруг того места обломаны. Не дался он просто так серым, хорошо постоял за себя. И все одно сожрали. Стая-то большая, дюжины две в ней точно есть. Ну вот, мы и шли сторожко, чтобы на волков не нарваться. А вот человеческих следов там, стало быть, и не было вовсе. Небось, заметили бы — не прошли бы мимо.

\* \* \*

Санний обоз возле главного городища Вирумии начали собирать на второй месяц зимы. После большого бурана от дальнего рода, стоявшего на реке Нымме, прикатили последние трое саней, и на совете старейшин постановили: к русской Нарве идти через два дня, старшим быть Каиро.

— Не скучай, Вилма. — Русский воин Серафим сжал в своих крепких руках маленькие ладошки девушки-эстки. — Вот испрошу разрешения у своего начальства и скоро обязательно тебя сватать

приеду. Да еще и с такими дарами, что даже твой отец решится за меня замуж отдать. Небось, уж поймет дядька Расмус, что не в худой он род свою младшую дочь отдает!

— Приезжай, Серафиме, я буду тебя ждать, — девушка легонько кивнула, и ее щеки залил яркий румянец. — Я с мамой уже поговорила, она потихоньку смягчит его сердце. Ты, главное, сам береги себя и смотри за раной, она ведь у тебя еще не до конца зажила. На вот, держи, — и, сняв с плеча берестяной туесок, обшитый мехом, передала его воину. — Здесь все те снадобья, которыми тебя наша Майму и я все эти полгода лечили.

— Спасибо, милая. — Серафим крепче сжал руки и чуть подтянул к себе девушку, желая заключить ее в объятия. Но та резко выдернула их и отскочила от парня.

— Люди же смотрят!

— По саням! В путь! — донеслась команда Каиро. А из ближайших повозок обоза послышался насмешливый окрик друзей влюбленного:

— Фимка, а ну запрыгивай быстрее, мы без тебя сейчас тронемся! И Вилму тоже с собой захватывай, чего же ей скучать здесь?!

Серафим запрыгнул в отъезжающие сани и помахал на прощание рукой. Толпа провожающих кричала вслед отходящему от городища каравану. Несколько десятков мальчишек окружили его и с гомоном бежали вслед. Вот раздались резкие крики, они отскочили в стороны, а мимо обоза пронеслось три конных десятка воинов. Головной дозор, опередив обоз, выскочил на лед речки и пошел по ее руслу на север в сторону моря. За ним

с пологого обрыва одна за другой скатились и три десятка саней, запряженных невысокими лошадами. Последними гнали табунок лошадей в сотню голов, и за ним уже следовал тыловой дозор.

Путь держали на север. Нужно было пройти по реке и, не доходя до владений датчан, сворачивать на восток. Дальше дорога была по озеру Консу, и потом по одной мелкой речке она заходила в огромную реку Нарву, а там уже и до самой крепости было рукой подать.

На ночевках разбивали укрепленное становище, выстраивая связанные между собой сани в оборонительный круг. Расставляли рогатки и срубленные, заостренные вершины деревьев. Подходы освещали большими кострами. Места перед этим обширным краем, с самым протяженным здесь озером Консу были землей спорной. На нее постоянно претендовали вирумцы и северные эсты из племени харью. До больших столкновений между ними ранее дело не доходило, но вот с приходом сюда данов, попав под иго завоевателей, северные эсты начали вести себя более враждебно. И не раз уже вирумцам приходилось отражать их набеги.

Среди эстов Серафим, Первак и Истома были за своих, потому как выучили язык и обычаи племени, приютившего их на время излечения. И все-таки держалась тройка руссов всегда вместе, заступая в одну сторожку. Ели и спали тоже у одного костра, да и в дороге их сани всегда шли рядом. К исходу шестого дня пути обоз догнал тыловой дозор. Десятник Аксель подскочил к Каиро, и командиры, придержав своих коней, о чем-то долго толковали. Наконец десятник, взяв своих людей,

ускакал по следу обоза обратно, а Каиро подстегнул коня.

— Быстрее, быстрее, прибавили ходу! — выкрикнул он. — До темноты совсем немного осталось, сейчас через болото переедем, а там на лесной излучине речки переночуем.

Возничие подстегнули своих коней, и санный поезд пошел быстрее.

Ночлег делали в удобном для обороны месте. Обрывистые берега лесной реки словно бы большой дугой огибали остров-поляну, на котором сейчас расставляли сани. Особенно плотно перекрывали смотрящий на лес перешеек шириной около сотни шагов. От человека к человеку, перетаскивающих сушняк и срубленные в лесу рогатины, передавалась тревожная весть: по следу обоза шел небольшой конный отряд. Дозор Акселя, пройдя назад, заметил с дюжину всадников, которые при виде вирумцев сразу же свернули в сторону и ускакали по руслу ручья в лес.

— Харью, это харью, — шептали эсты. — За нами они идут, словно волки добычу чувуют!

— На ночевке и в пути теперь особенно нужно быть настороже! — предупредил своих людей полевой вождь. — Мы с саями все равно медленней идем, чем конные. День, два — и их подмога на нас может выйти. Ладно если там будут одни лишь харью, глядишь, и сможем от них отбиться, но они же могут и данов на нас навести. Вот тогда уже совсем худо будет.

В эту ночь русской троице выпало дозорить в третью смену. Лежали в сугробе у заросшего ку-

старником склона. Стоянка освещалась кострами, а здесь с самого края стояла темень.

Серафим смахнул с дуги своего самострела снег и, проведя рукой по тетиве, вздохнул. Тихо вокруг, только всхрапывали порой в табунке лошади. А в хижине вирумского городища, где спит его Вилма, сейчас душно. Плачет ребенок старшего брата Уго, бормочет его мать, успокаивая младенца. Вскрикивает во сне отец, представляя себя опять на поле боя. И тихонько сопит его белокурая красавица. «Приезжай, Серафиме, я буду тебя ждать...» — сквозь время и расстояние донеслись прощальные ее слова до караульного.

— Фимка, ты чего это, никак спишь, дурень?! — в ухо выдохнул ругательство Первак. — А кто же ночь слушать будет? Может быть, Вилма твоя?

— Не-не, я это, я слушаю, — встрепнулся караульный.

— Да тихо вы оба, бестолковые! — прошипел Истома. — Ничего не слышали сейчас?

— Не-ет, а чего там? — спросил Первак, приподнимаясь со своей лежки.

— Да ты вон, как на жениха только ругнулся и шуманул маненько, внизу-то, в кустах, у самой реки, ветка о ветку вдруг стукнула, а потом и еще раз, — объяснил Истома. — Можя, конечно, и птица это ночная али зверь какой? Но ведь ежели птица, так я бы тогда, небось, и шум от ее крыльев услышал. Ну а коли это был зверь, так ведь он совсем тихо на лапах своих ходит, ведь чует же, что тут рядом люди есть. Странно все это.

— Так, Фимка, а ну беги к караульному десятнику, испроси у него пару смолистых факелов, —